

Дэну.

И когда Он снял четвертую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: иди и смотри. И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечом, и голодом, и мором, и зверями земными.

Откровение Иоанна Богослова, 6:7–8*

*Но у другой [у Смерти] из железа душа
и в груди беспощадной —
Истинно медное сердце. Кого из людей
она схватит,
Тех не отпустит назад. И богам она всем
ненавистна.*

Гесиод, Теогония

---

* По Синодальному переводу.

ЧАСТЬ I

Глава 1

Темпл, Джорджия

Июль, год Всадников двадцать шестой

В первый раз, когда я встречаю Смерть, я... не готова.

Чувствуя, как течет между лопатками струйка пота, я изучаю список вещей, которые должна привезти сегодня к вечеру на пикник по случаю дня рождения моей племянницы. Вокруг стоит глухой гул: люди на рынке смотрят, торгуются, покупают что-то.

Помидоры — есть.

Зелень — есть.

Дыня — есть.

Пробегаю глазами список. Кажется, осталось купить только яблоки.

Сунув листок в задний карман, я оглядываю фермерскую ярмарку под открытым небом, ища на прилавках то, что мне нужно. Заметив палатку Тима, пробираюсь к ней. Тим — сварливый старик, но только у него, я знаю, всегда можно найти несезонный товар.

Подозреваю, что тут не обходится без колдовства.

Я уже подхожу к палатке Тима, когда животные на ярмарке вдруг ни с того ни с сего шарахаются. И главное — они все сходят с ума. Лошади, привязанные к ближайшим столбикам, храпят и рвут поводья, десятки птиц

одновременно взмывают в воздух, а собаки со всей округи воют и заходятся испуганным лаем.

Мул старого Бейли, еще не выпряженный из телеги, несется к шоссе рядом с ярмаркой, а жеребец шерифа, сбросив седока, галопом скачет прочь.

Остальные звери мечутся по рядам, задевая и сбрасывая корзины, опрокидывая столы, заставляя людей бежать врассыпную. Мне видны белки их вытаращенных в панике глаз. Они сами и их страх смерчем проносятся по ярмарке.

Наконец топот стихает, оставив за собой зловещую тишину, от которой у меня по спине бегут мурашки.

Что... это было?

Я озираюсь. Окружающие тоже в недоумении.

— Что за черт? — раздается голос.

— Сколько живу, а не видел, чтобы зверье так себя вело, — говорит еще кто-то. Но свою мысль он подкрепляет смешком; тот подхватывают, и напряжение спадает.

Люди помогают друг другу ставить на место перевернутые ящики и стулья, продавцы поправляют товар на лотках, снова слышатся разговоры. Небольшая группка отправляется на поиски разбежавшихся животных, а какой-то пожилой мужчина помогает шерифу подняться с земли.

Кажется, все стараются стряхнуть с себя воспоминание о странном происшествии, как дурной сон.

Повернувшись к Тиму, я опускаю взгляд на яблоки. Пытаюсь сосредоточиться, хотя та нервирующая тишина все еще звенит в ушах. Наконец мне удастся сконцентрироваться.

Я смотрю на цену, зажмуриваюсь, потом смотрю еще раз.

— Полтора доллара за одно яблоко? — Я потрясена. Это, наверное, ошибка.

— Не по нраву цена — не покупай, — заявляет Тим. Стало быть, не ошибка.

— Я же еще даже не сказала, что цена слишком высокая, — отвечаю я, *хотя это именно так*. — А по вашей реакции понятно: вы *знаете*, что она непомерная.

— Ничего не попишешь.

Это грабеж среди бела дня. Он с тем же успехом мог вырвать у меня кошелек.

— Это же просто яблоко, — медленно и неуверенно говорю я. Все-таки, наверное, он шутит.

— Не по нраву — купи у кого другого.

Черт бы побрал этого мужика. Знает же, что ни у кого больше в это время года нет яблок. А Бриана, моя племянница, *очень* ясно дала понять, что на день рождения ждет именно яблочный пирог.

— Доллар, — пробую я. Даже эта цена баснословна, но все же лучше, чем *полтора доллара за яблоко*, бог ты мой.

— Нет, — бесстрастно бросает он и переводит взгляд с меня на другую женщину — та изучает кукурузу в соседней корзине.

— Доллар двадцать пять, — делаю я еще одну попытку, уже начиная прикидывать, у кого еще из продавцов могут быть яблоки. Возможно, у Марты...

Тим смотрит на меня раздраженно.

— Все, разговор окончен.

— Но это же ерунда какая-то! Вы серьезно хотите за яблоко *полтора доллара*? Это же просто яблоко! — повторяю я.

— Сейчас не сезон, — ворчливо бурчит он.

Я вздыхаю.

— Я заплачу. — Все же это невозможно глупо: одиннадцать долларов за восемь штук.

И пусть только они посмеют не оказаться самыми вкусными яблоками в моей жизни! Если только их вкус не будет неземным...

Тим складывает руки на груди и буквально испепеляет меня взглядом, хотя я всего-навсего прошу его скинуть один несчастный доллар.

— Или плати полную цену, или ищи товар в другом ме...
Внезапно прямо посреди фразы его глаза закатываются.

— Тим? — окликаю я, а он уже падает. — Тим! — Я бросаюсь к нему, но недостаточно быстро.

Мягкий стук его тела, упавшего на траву, тонет в общем шуме *множества* крупных предметов, упавших на землю одновременно. И только тогда я замечаю, что тревожная тишина никуда не ушла — та самая, что воцарилась, когда удирали животные. Только сейчас она стала куда более всеобъемлющей, чем прежде.

Ничего не понимая, я оглядываюсь. Повсюду вокруг меня неподвижно лежат люди. Большинство на траве, но есть и такие, кто рухнул прямо на прилавок.

Никто не шевелится.

Проходит секунда, две, три.

Слушая собственное судорожное дыхание и безумный стук сердца, я пытаюсь осознать, что сейчас произошло.

И главное, я ведь *знаю*, что это. Это кажется невозможным, немыслимым, и голова *отказывается* верить, но что-то подобное уже случалось раньше. Это случалось раньше со *мною*.

Все же я опускаюсь на колени рядом с женщиной, которая присматривалась к кукурузе Тима. Ее застывшие глаза вперились в облака.

Кладу пальцы ей на шею, пытаюсь прощупать пульс — ничего.

Внутри все сжимается от какого-то тошнотворного предчувствия. Я встаю, еще раз осматриваю прилавки и палатки, десятки застывших тел.

Никто не двигается. Я слышу негромкий шепот ветра, играющего в полотняных навесах, нежный шелест деревьев и даже отдаленное бульканье жидкости, льющейся из опрокинутой бутылки. Но ни словечка, ни смешка, ни криков, ни жужжания насекомых, ни птичьего щебета.

Абсолютная тишина.

Неожиданно для себя я беру Тима за запястье — пульса нет. Задыхаясь от волнения, я хватаю руку другого человека, и еще одного, и еще.

Ничего.

Ничего.

Ничего.

Все мертвы — все, кроме меня.

Я тихо всхлипываю, все тело сотрясает дрожь, но в голове странная пустота.

Так, должно быть, выглядит шок?

Я неуверенно бреду по ярмарке в сторону 78-й автострады. Не в силах справиться с растущим ужасом, я прокладываю путь между мертвецами.

Как далеко простирается это опустошение?

Миновав последний ряд палаток, я вижу прямо перед собой шоссе, и вдруг в мое сознание врывается топот копыт. Решаю, что мне почудилось, но звук становится все громче.

Я поворачиваюсь. Сначала ничего не вижу из-за навеса справа, он все загораживает. Делаю еще несколько шагов к дороге — и неожиданно вижу *его*.

Освещенный сзади утренним солнцем, он кажется каким-то темным богом: всадник в серебряных доспехах и с черными крыльями за спиной.

В первый момент я ничего больше не вижу, кроме этих ужасных крыльев. В них так же невозможно поверить, как в море трупов за моей спиной.

Есть четыре существа, наделенные силой убивать все живое в мгновение ока, и только у одного из них есть крылья.

Последний посланник Бога.

Смерть.

Глава 2

Когда я это понимаю, у меня буквально подгибаются колени.

Бог ты мой, я смотрю на Смерть, Смерть собственной персоной, одного из четырех всадников Апокалипсиса.

Я никогда не видела никого — *ничего* — подобного ему.

Он одет как воин, готовый к битве, хотя кто мог бы выстоять против него? Доспехи его сияют, будто недавно отполированные, а за спиной сложены гигантские черные крылья, такие громадные, что их концы почти касаются земли. Всадник едет, и его взгляд устремлен куда-то вдаль.

Его лицо торжественно, оно поражает воображение. Клянусь, эту линию бровей и горбинку на носу я раньше уже видела в своих снах. А изгиб губ, высокие скулы и волевые черты лица я воображала, когда читала трагические поэмы при свете свечи.

Он настолько прекрасен, что в голове не укладывается; и гораздо страшнее, чем я могла бы себе представить.

Застыв на месте, я, видимо, издаю какой-то звук, потому что всадник отрывает взгляд от горизонта и переводит на меня. Его черные волосы немного колышутся, едва касаясь плеч. Секунда — и наши глаза встречаются.

У него *древние* глаза. Даже на таком расстоянии я вижу в них его возраст. Это существо видело столько представителей рода человеческого, что я даже не пытаюсь это осмыслить. Чем дольше он смотрит на меня,

тем сильнее я ощущаю тяжесть всей его истории. Плотнo сжав губы, он изучает меня, а я чувствую, как покалывает кожу под его пристальным взглядом.

Возможно, потому что я все еще в шоке, а может, потому что прятаться уже поздно — как бы то ни было, я выхожу на шоссе прямо перед всадником.

Смерть хмурится и останавливает коня. Тогда я тоже останавливаюсь. Мы стоим и продолжаем пронзать друг друга взглядами.

Спустя мгновение он соскакивает с коня и шагает вперед, сокращая расстояние между нами. Стук его сапог по разбитому асфальту отдается эхом, а мое сердце колотится все громче и громче. Надо бежать, почему я не убегаю?

Смерть останавливается передо мной.

Он разглядывает меня — всю меня, — переводя взгляд с моего лица на винтажную футболку, обрезанные джинсы, кроссовки из секонд-хенда, а потом так же неторопливо назад, к лицу. В этом осмотре нет ничего сального. Мне даже кажется, что он вообще изучает не мое тело, потому что взгляд его немного расфокусирован.

— Я не узнаю тебя, — произносит он, и крылья его шуршат и колышутся. Он хмурится, морща лоб. — *Кто ты?*